

DOI: 10.17803/2542-2472.2026.37.1.098-108

МЕТАФИЗИКА ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: АДВОКАТЫ В ВЕДОВСКИХ ПРОЦЕССАХ

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
юридического факультета Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
91186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2026

Аннотация. В период с XVI по XVIII в. в Европе наблюдается политико-правовая активность, связанная с юридическим преследованием за совершение такого иррационального преступления, как ведовство. С XVIII в. европейские интеллектуальные элиты пришли к выводу о том, что ведьм никогда не существовало и что предполагаемые совершенные ими преступления — правовая фикция, результат суеверия и народного фанатизма, поддерживаемого безграмотными или злонамеренными судьями. Вопрос, казалось бы, был закрыт, и о судах над ведьмами и колдунами предпочитали стыдливо молчать, в том числе в научных исследованиях. Это стало серьезной ошибкой, поскольку данный социально-культурный феномен, тесно связанный с другими — политическими, экономическими, религиозными, мифологическими, правовыми и т.п. — аспектами, невозможно безболезненно изъять из общей картины становления и развития государства и права. Страхи, суеверия и иные убеждения, даже будучи коллективным воображаемым, служат основой для формирования правосознания, правовой культуры, правовой системы. Следовательно, изучение таких социально-правовых практик позволяет более глубоко исследовать социальную динамику в сфере развития политико-правовых феноменов в Европе раннего Нового времени и «долгого XVIII века» (по неофициальной терминологии, отражающей становление государства современного типа и рационализацию мышления). Научной задачей статьи можно назвать рационализацию подходов к изучению иррациональных практик, выявление более четких границ между научной и лженаучной деятельностью в историко-правовой и исторической науках. Целью исследования является выявление рациональной составляющей правового мышления юристов, принимающих участие в уголовных процессах, в рамках которых рассматривается колдовство, и рациональных оснований самих процессов. Это в дальнейшем станет основой для нахождения прочного фундамента для специалистов в области истории государства и права и сравнительного правоведения. Понимание того, что данные правоприменительные практики не являлись маргинальными, позволит создать научные направления, подобные исследованиям колдовства (*witchcraft studies*), которые позволили поместить колдовство в более широкий социальный контекст, отделив от простого невежества, недостойного изучения. В рамках такого методологического подхода, как сравнительное правоведение, открываются новые горизонты для исследований в области теории и истории государства и права России, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Ключевые слова: ведьмы; ведовские процессы; защитники ведьм; инквизиция; обычное право; королевское право; Средние века; раннее Новое время; Европа; иррациональность; правосознание; правовая культура

THE METAPHYSICS OF LEGAL THOUGHT IN THE EARLY MODERN PERIOD: LAWYERS IN WITCH TRIALS

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Legal Theory and Civil Law Education, Faculty of Law, Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. *During the period from the sixteenth to the eighteenth centuries, Europe witnessed intense political and legal activity associated with the prosecution of the irrational crime of witchcraft. Beginning in the eighteenth century, European intellectual elites came to the conclusion that witches had never existed and that the alleged crimes attributed to them were a legal fiction, the product of medieval superstition and popular fanaticism, sustained by ignorant or malicious judges. The matter thus seemed closed, and discussions of trials of witches and sorcerers were thereafter often passed over in embarrassed silence, including in scholarly research. This proved to be a serious mistake, since this socio-cultural phenomenon, closely connected with political, economic, religious, mythological, legal, and other dimensions, cannot be removed from the broader picture of the emergence and development of the state and law without distortion. Fears, superstitions, and other beliefs, even as forms of the collective imaginary, serve as a foundation for the formation of legal consciousness, legal culture, and the legal system. Accordingly, the study of such socio-legal practices makes it possible to investigate more deeply the dynamics of political and legal development in early modern Europe and the «long eighteenth century» (in the unofficial terminology reflecting the rise of the modern state and the rationalization of thought). The research task posed by the author may be understood as the rationalization of approaches to the study of irrational practices and the identification of clearer criteria marking the frontier between scientific and pseudoscientific activity in legal-historical and historical scholarship. The purpose of this study is to identify the rational component of the legal thinking of the jurists who took part in such proceedings, as well as the rational foundations of the criminal trials in which witchcraft was adjudicated. In the future, this may serve as a solid foundation for specialists in the history of state and law and in comparative law. Recognition that these law-enforcement practices were not marginal phenomena will make it possible to develop scholarly fields similar to witchcraft studies, which have placed witchcraft in a broader social context, separating it from the notion of mere ignorance unworthy of study. Within the framework of such a methodological approach as comparative law, new horizons open up for research in the theory and history of the state and law of Russia, which determines the relevance of the present study.*

Keywords: *witches; witch trials; witch protectors; inquisition; customary law; royal law; Middle Ages; Early Modern; Europe; irrationality; legal awareness; legal culture*

Как заметил один из известных испанских ученых-правоведов, М. Гарсия-Пелайо, «право задумывалось не как создание рационализированной воли, которую общество могло бы изменить в зависимости от ее полезности и целесообразности, а как конкретная реальность, возникающая спонтанно и неотделимая от сообщества или самой личности»¹. Оно имело божественное основание,

¹ *García-Pelayo M. La idea medieval del derecho. Caracas : Fundación Manuel García-Pelayo, 2004. P. 9.*

хотя могло порождаться обычаями или нормативными предписаниями, исходящими от разных социальных структур. Это не означает, что оно было хорошим или справедливым — оно соответствовало естественному или божественному праву. Такое право понимается как единство закона (данного) и справедливости (сущего), обусловленного сакральным характером, наличием единого трансцендентного источника. В локальном сообществе правовая сфера была плюралистической. Множественности прав по территориальному признаку добавлялось право, вытекающее из различия между различными социальными группами: права рыцарей, городских жителей, священнослужителей того или иного монастыря, свободных крестьян, крепостных и т.д.

Такое положение дел сохраняется до XII–XIII вв., когда право вырывается из сферы сакрального и осознает себя как независимую социальную сущность. Этот процесс неразрывно связан с формированием публичной власти как основного элемента государственности современного типа, которая будет сформирована в эпоху Нового времени. Этот процесс перехода «примитивного» права в сложный и систематизированный социальный феномен, обладающий инструментальной функцией, способствует разрушению единства права и справедливости, но одновременно его полной рационализации, лишению его таинственного иррационального ядра, которое невозможно объяснить, но нужно принять. Право начинает вытеснять фигуру Христа, стремится занять Его место, но для этого юриспруденции нужно создать собственную духовность с опорой в трансцендентном. В метафизике правового мышления происходит новая трансформация: справедливость из конкретного понятия превращается в абстракцию. Справедливость формирует идею Правосудия, реализуемого посредством централизованной публичной власти через законы. Это рациональная идея справедливости, доступная человеческому разуму и отождествляемая с ним. Эти предварительные рассуждения устанавливают основу для достижения цели настоящего исследования: выявить основы правового мышления раннего Нового времени, его рациональные и иррациональные компоненты и их сочетаемость на основе изучения иррационального, как кажется с первого взгляда, типа судебного процесса — ведовского. Эта судебная практика нередко объясняется как безответственность, результат судебных ошибок, недобросовестности судей. Ее автоматически относят к Средневековью как к «дикому», «невежественному», «иррациональному» времени. Но только в XVI в. светские королевские суды стали рассматривать новое преступление — колдовство (ранее рассматривались локально на основе общего права). Отличительной чертой охоты на ведьм с XIII в. была растущая централизация и использование недавно унифицированного канонического права для суда над обвиняемыми², означавшего становление государственно-правового аппарата.

В течение как минимум двухсот лет в эпоху Нового времени множество людей в Европе были привлечены к суду и осуждены, в том числе на смертную казнь, за это преступление. Среди обвинений фигурируют: сговор с дьяволом, использование вредоносной магии против соседей, травничество, изведение людей и животных. С современной точки зрения судили и приговаривали за преступления, у которых, по сути, не было объекта: рациональные, образованные люди проявляли себя фанатично, предавая смерти за явно невозможные действия, опираясь на бессмысленные доказательства, следовательно, все судебные процессы должны быть признаны фиктивными. Европейские Суды над ведьмами воспринимают как невежественное «царство террора», истерия, подавляющая гарантии судебного процесса, как преднамеренные преследования, вызванные сексизмом, классовыми конфликтами, или личной неприязнью³. Частично эти мотивы могли присутствовать, как и в любом

² *Torquemada Sánchez M. J.* The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities // *Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González*. 2014. Vol. 2. P. 1588.

³ *Maddox T. M.* The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2024. Vol. 35:4. P. 670.

другом судебном процессе вплоть до наших дней: судьи не идеальны и обладают в том числе негативными человеческими качествами. Но нельзя утверждать, что такие аспекты являются преобладающими.

В процессуальном аспекте с точки зрения процедуры предъявления обвинений и оценки доказательств судьи над ведьмами и колдунами не были примечательны. Трудно заметить грань между рациональной и иррациональной составляющей подобных судебных процессов: «в жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность»⁴. Участники процесса, как правило, следовали установленным уголовно-процессуальным нормам и процедурам (понятно, что из каждого правила существуют исключения — безграмотные, злонамеренные, безразличные судьи). Сами обвинения и доказательства не были юридической аномалией, поскольку оговаривались в правовых нормах, а процессы были воплощением права и справедливости в том виде, в котором они существовали в то время⁵, и это очевидно, если мы откажемся от многовекового пренебрежительного отношения к правовым практикам прошлого. Разве не иррациональным выглядит смертный приговор, вынесенный в 1936 г. испанскому поэту Мигелю Эрнандесу за революционную пропаганду и левые взгляды?⁶ Ошибочными, иррациональными, выглядят правовые нормы, отмененные в связи с существенными изменениями политико-правового устройства страны — это свойство обыденного правосознания. Судьи же, как правило, судили, в соответствии с действующим законом, добросовестно исследуя факты и доказательства, не оспаривая содержание норм, даже если были не согласны. Историки же обычно сосредотачивались на случаях паники и истерии. Большая часть исследований опирается на модели, выявленные в результате атипичных процессов, выдаваемых чуть ли не за повседневные, что затрудняет наше понимание европейского колдовства⁷. Общее число реальных смертей ничтожно по сравнению с тем, что ведовским процессам приписывает обыденное правосознание⁸.

Суды над ведьмами проходили всегда и везде. Сколько существует человечество, столько же существует вера в то, что люди способны общаться с трансцендентными силами. И сегодня закон упоминает такую деятельность, определяя ее как мошенническую. Но нередко также судил и суд прошлого. Как суеверие или ересь колдовство было предметом рассмотрения церковных судов. Светские власти вмешивались, когда магия использовалась как средство для совершения других преступлений. Например, в 1382 г., когда в Англии Роджер Клерк (безуспешно) прописал письменное заклинание для лечения лихорадки, лондонский суд признал его виновным не в колдовстве, а в мошенничестве⁹. В 1540 г. в Испании Мария Сагардой из деревни Аэскоа была осуждена за колдовство и отравление¹⁰. Согласно английским законам о колдовстве XVI в., смертная казнь предусматривалась для тех, кто убивал или повторно наносил физический ущерб с помощью вредоносной магии¹¹. Женщины-колдуньи и их жертвы-женщины чаще верили, что сверхъестественное связано с

⁴ *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 32.

⁵ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 668.

⁶ *Rallo Lombarte A.* Memoria democrática y Constitución // *Teoría y Realidad Constitucional*. 2023. № 51. P. 130–131.

⁷ *Rojas R.* The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre // *Sixteenth Century Journal*. 2020. Vol. 51. No. 3. P. 722.

⁸ *Machielsen J.* «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700 // *Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion* / R. Sandberg, et al. (eds). Cardiff: Edward Elgar Publishing, 2019. P. 281.

⁹ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 675.

¹⁰ *Rojas R.* Op. cit. P. 727.

¹¹ *Mendez A.* To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630) // *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 285.

заклинаниями и суеверными церемониями, а мужчины, занимающиеся магией, нередко оказывались мошенниками, которые пользовались невежеством для получения материальной выгоды¹². Но иррациональная вера в колдовство была значимым аспектом коллективного правосознания. Большая часть населения — и мужчин, и женщин — верили, что реальные люди действительно обладают воображаемыми колдовскими способностями¹³.

Как же судьи относились к процессам? Английские законы о колдовстве 1562–88 гг. и 1604–89 гг. не предписывали особой процедуры судебного разбирательства и не предполагали, что колдовство отличается от «обычных» уголовных преступлений. С точки зрения статутного права колдовство было «еще одним преступлением», на которое распространялись те же правила и процедуры, что и на более обыденные правонарушения¹⁴. О сути действий, которые закон считал преступными, конечно, задумывались. И мнения были разными. Как сказал судья Мэтью Хейл присяжным в Бери-Сент-Эдмондсе, не могло быть никаких сомнений в том, что ведьмы существуют, поскольку, во-первых, Священное Писание подтверждает это, и кроме того, мудрость всех народов предусмотрела законы против таких людей¹⁵. Эти тезисы выглядят вполне рациональными и сегодня. Целью суда было выявить виновность согласно нормативным предписаниям, не вдаваясь в их правильность, справедливость или рациональность. Уголовные процессы XVI–XVIII вв. — в том числе по ведовским делам, — основывались на эволюционирующих правилах и стандартах, и надежность доказательств могла вызывать озабоченность у участников процесса. И если обвинения основывались на признательных показаниях или свидетельствах детей, то с точки зрения современности это не соответствует базовым правилам судопроизводства, но в те времена не было запрещено. При этом судьи и присяжные, а также иные участники процесса, не принимали такие доказательства как безусловные, сомневались и оспаривали некоторые из них. Например, право не давать показаний против самого себя появилась только во второй половине XVIII в., а запрет на использование слухов в уголовных делах, вероятно, оформился в конце XVII¹⁶. Но из этого не следует, что обвиняемые преступники были осуждены произвольно.

В 1682 г. Джоан Бутс из Саутварка была обвинена в том, что околдовала двух местных девушек, одна из которых впоследствии умерла, но она не признала себя виновной. Один из двадцати свидетелей показал, что слышал, как она говорила, что если бы все дьяволы в аду могли помочь ей, она бы околдовала ее. Когда судья спросил, действительно ли она делала такое заявление, Бутс признала, что да, но при этом сослалась на то, что произнесла эти слова в порыве гнева и на самом деле не имела в виду ничего подобного. На основании этих показаний присяжные вынесли оправдательный приговор, который свидетельствует о том, что даже в случае квази-признания они критически относились к доказательствам. Председательствующий судья проявил аналогичную осторожность на судебных заседаниях в июле 1589 г. в Челмсфорде, где Джоан Канни была одной из трех женщин, судимых за колдовство. Она заявила, что в течение почти двадцати лет использовала колдовство, чтобы причинить вред разным людям, но не могла указать точное их число. Хотя она не отреклась от своих показаний, судья засомневался в них на основании того, что женщине было около восьмидесяти лет, и она была не способна вспомнить подробности собственных преступлений. Женщина все равно была признана виновной и приговорена к смертной казни, но на основании показаний дополнительных свидетелей,

¹² *Torquemada Sánchez M. J.* Op. cit. P. 1594.

¹³ *Martínez Peñas L.* Witchcraft and the legal evolution of religious persecution // *Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz.* Madrid : Dykinson 2023. P. 75.

¹⁴ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 676.

¹⁵ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 688.

¹⁶ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 679–680.

вызванных в суд. Несмотря на результат, этот эпизод иллюстрирует нежелание судей выносить обвинительный приговор¹⁷.

Часто обвинения выносились на основании косвенных доказательств: подсудимые не подтверждали своей причастности к колдовству, но другие свидетельствовали о том, что, якобы, слышали от них. В 1690 г. на процессе над Ребеккой Уэст в Вустере, некий Джон Эдес засвидетельствовал, что та некоторое время назад призналась ему в том, что была знакома с дьяволом. Но в этом не было ничего удивительного. В 1680 г. в Олд-Бейли судили Джона Джайлса за покушение на убийство Джона Арнольда. Примечательно свидетельство одного из приглашенных для дачи показаний о том, что Джайлс сказал, что ему нужно починить свой меч, потому что он сражался с проклятыми Арнольдом¹⁸.

Сегодня вызывает возмущение факт дачи показаний несовершеннолетними как судебная аномалия. Но минимальный возраст для получения свидетельских прав, даже если он существовал, был довольно низким, люди взрослели и получали дееспособность раньше в зависимости не от возраста, а от иных социальных качеств, например способности вступать в брачные отношения. В указанный период юристы уже начали задумываться о том, что лица младше четырнадцати лет не должны допрашиваться в качестве свидетелей, но в то же время допускали такую возможность, если те проявляли разумность. Поэтому использование детей-свидетелей в процессах над ведьмами как таковое не было в юридическом смысле незаконным или ненадлежащим. Тем не менее, обладая современными знаниями о неустойчивости детской и подростковой психики, можно утверждать, что на таких свидетелей могло оказываться давление, они переживали эмоциональные травмы, и, по существу, обвинение было ничтожным. Именно на этом основании в Испании всё больше юристов переходили на сторону «защитников ведьм». Так, иезуит отец Эрнандо де Соларте поговорил в одном из приходов Логроньо, где в 1610 г. произошла массовая истерия, в результате которой сотни людей объявили себя колдунами и ведьмами, с одним юношей шестнадцати лет, который признался, что его дядя, приходской священник, привязал его к кровати и выпорол, потому что он не хотел признаваться в том, что он колдун, после того, как его обвинили другие мальчики. Другие рассказали Соларте, как с ними плохо обращались их собственные родители, которые угрожали убить их, если они не признаются. Некоторых из них убеждали дать ложные показания, поскольку, как им объясняли, это единственный способ спастись от костра и, кроме того, избавить свои семьи от позора и конфискации имущества. Была допрошена шестнадцатилетняя «ведьма», которая обвиняла многих людей, и когда ее спросили, не давали ли она ложные показания, призналась, что ей угрожали смертью, если она не предъявит обвинения людям, которых ей назвали. Это дало понять, что происходит в деревнях, и инквизиторы стали не только внимательнее к обвинениям и самообвинениям, но превратились в энергичных защитников ведьм на процессах¹⁹.

Инквизиторы по разному относились к факту колдовства и к ведьмам и колдунам. Но Инквизиция как институт была основана скорее на сомнении, чем на вере. Еще 1525 г., то есть практически сразу же после создания Инквизиции в Испании, в Гранаде собралась специальная комиссия, возглавляемая генеральным инквизитором Алонсо де Манрике. Встревоженный известиями из Наварры, где в очередной раз в деревнях возникли обвинения в колдовстве, он поручил коллегии из десяти теологов и канонических юристов сделать четкое заявление о реальности практики ведьм. Члены комиссии не смогли прийти к согласию по всем вопросам. Инструкции, которые были даны по итогам этого заседания, были умеренными по тону и содержанию. Призывалось к снисхождению, и в случае добровольных признаний имущество подозреваемых не подлежало аресту (стандартная процедура). Аресты не производились, если они основывались исключительно на показаниях

¹⁷ Maddox T. M. Op. cit. P. 683.

¹⁸ Maddox T. M. Op. cit. P. 686.

¹⁹ Henningsen G. El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. Madrid : Alianza Editorial, S. A., 2010. P. 278.

других подозреваемых, и судебные пытки должны были применяться с должной осторожностью. В будущем инквизиция придерживалась этой линии, не санкционировав казнь ни одной ведьмы до Наваррского суда 1610 г., хотя местные власти инквизиторы в Сарагосе (1535 г.) и Барселоне (1549 г.) сожгли восемь ведьм без разрешения инквизиции, за что получили строгие выговоры²⁰. Снисходительность инквизиции проявлялась и в других странах, где она существовала. Этот суд очень редко приговаривал к смертной казни за практику колдовства. Печально известная книга «Маллеус Малефикарум» подвергалась резкой критике²¹.

Наиболее часто критикуемым аспектом процессов над ведьмами остается использование сверхъестественных свидетельств. Уже в конце XVI — начале XVII в. в разных странах юристы сомневались в их рациональности. Но с точки зрения логики неудивительно, что судебные преследования за колдовство опираются на сверхъестественные доказательства, если колдовство было сверхъестественным преступлением. Тем не менее даже при наличии таких доказательств суд не всегда спешил выносить обвинительный приговор. Именно поэтому повсеместно судьи придавали значения и выискивали более материальные доказательства. Так, в XVII–XVIII вв. в Европе пытались описать пакт ведьм как нечто реальное. Многие элементы, связанные с процедурой заключения договора с дьяволом, имели аналоги в современном социальном мире²².

Новое время породило наиболее жестокую охоту на ведьм. Но одновременно мыслители и население стали пытаться создать логическое обоснование происходящего. Хотя в обыденном сознании Испания является одной из стран, где это явление приобрело уродливые масштабы, именно здесь были заложены основы рационального изучения колдовства и предприняты меры, позволившие завершить эту охоту. Началось все с процесса в Логроньо, по которому проходили две тысячи обвиняемых и почти пять тысяч подозреваемых, что является одним из самых масштабных преследований за всю историю (хотя в результате смертных приговоров оказалось всего шесть); а в Испании события привели к решающему повороту в истории преследования ведьм в Европе. Огромную роль в этом сыграл судебный следователь от Инквизиции Алонсо де Саласар Фриас. Судебный процесс над ведьмами в Европе обычно проходил без участия адвокатов, по крайней мере до начала XVIII в.²³ Саласар Фриас стал первым и наиболее значимым в истории адвокатом ведьм, положившим начало искоренению этого типа судебного процесса благодаря рациональному подходу. В отличие от Англии, где юристы не рассуждали о природе колдовства, о его рациональной или сверхъестественной составляющей, он заострил внимание на этом аспекте. Саласар заметил, что, как только начинают говорить о ведьмах, случаи колдовства появляются повсюду; и как только на эти заявления не обращали внимания, ведьмы просто исчезали. Таким образом, он понял, что это некий социально-психологический эффект, и деревням нужны не миссионерские крестовые походы или наказания, а нечто совершенно иное — молчание²⁴.

В 1610 г. в разгар процессов в Логроньо появился трактат известного ученого-гуманиста Педро де Валенсия, в котором он выражает отвращение по отношению к ведовским процессам. Он пишет о том, что в признаниях смешаны неправдоподобные вещи из страшных рассказов для простолюдинов и детей. Он высказал несколько гипотез, соответствующих современным представлениям о колдовстве. Первая гипотеза предполагала, что дьявольские собрания действительно происходили,

²⁰ *Amelang J.* Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches // Making, Using and Resisting the Law in European History. Pisa : Edizioni Plus, 2008. P. 83.

²¹ *Torquemada Sánchez M. J.* Op. cit. P. 1596.

²² *Kristófl, Csonka-Takács E.* How to make a (legal) pact with the devil?: legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary // Witchcraft Mythologies and Persecutions / G. Klaniczay, É. Pócs (Eds.). Central European University Press, 2008. P. 165–166.

²³ *Maddox T. M.* Op. cit. P. 678.

²⁴ *Henningsen G.* Op. cit. P. 449.

но без вмешательства дьявола. Ковены должны были состоять из людей, которые собирались вместе, чтобы удовлетворить свои низменные инстинкты и предаться низменным удовольствиям. «Дьяволом» был один из участников, одетый в маску с рогами. В этом обличье он совокуплялся с женщинами, иногда используя искусственный фаллос. Вторая гипотеза предполагала, что собрания ведьм были чем-то вроде галлюцинаций, вызванных токсичной мазью. Чернокнижники учились друг у друга готовить такую мазь и, намазываясь ею, полагали, что летят к месту собрания, когда на самом деле не двигались с места, а погружались в глубокий сон. Таким образом, Валенсия становится на уровень современных ученых, которые пытаются объяснить феномен колдовства как культ наркотиков, и шабаши — это состояния измененного состояния сознания, возникающие при употреблении психоактивных веществ, вызванные галлюциногенными свойствами мазей²⁵. Это подтверждается записями о самых ранних дошедших до нас судебных процессов, где, например, ведьмы обвинялись в использовании жаб и жабьей крови для сглаза (жабья шкура действительно может содержать наркотические вещества, вызывающие галлюцинации). В пространных показаниях, рассказывающих о шабаше ведьм, Мартин де Салдаис из деревни Бургетт поделился рецептом ядовитой смеси, которая использовалась для уничтожения зерна и убийства людей: чтобы отправиться на собрание ведьм они намазали себя мазью, используя мертвых жаб²⁶. Валенсия пришел к выводу, что они столкнулись с явлением, существование или отсутствие которого невозможно доказать. Обвинение не могло быть доказано, даже если бы пятьдесят свидетелей утверждали, что видели обвиняемого или обвиняемую на шабаше. Но во всех случаях колдуны заслуживают суровых наказаний, если окажется, что у них было четкое намерение вступить в сговор с дьяволом; при этом порка была бы лучшим лекарством²⁷. До сегодняшнего дня не придумано более рационального объяснения феномена колдовства. В тот период возникло явление юридического скептицизма в отношении колдовства.

Итальянский профессор права Амброджо Виньяти (XV в.) был одним из первых юристов, посвятивших значительную часть одной из своих работ ведьмам. Один из вопросов, которые его занимали («Трактат о ереси»): могут ли ведьмы преодолевать огромные пространства за очень короткое время, разговаривать с демонами и заниматься с ними сексом, или превращаться в кошек²⁸. Инквизиция в целом заняла четкую позицию, проявляя критичность, скептицизм и отрицая возможность того, что колдовство было реальным. Например, в 1540 г. епископ Памплоны дон Педро Пачеко разослал священникам епархии инструкции, в которых предупреждал о ложности колдовства и предлагал так называемых колдунов и одержимых отвести к врачу²⁹.

Колдовство можно в общих чертах определить как идеологическую систему, способную предлагать простые и нестандартные решения повседневных проблем. Речь идет о людях, которые отказались от социальных норм. Оспаривание авторитета Церкви — это вызов общественному порядку и величю самого Господа, и с юридической точки зрения безразлично, исходит ли это из ереси или колдовства³⁰. Колдун — это воплощение аморальности и всего того, что противоречит идеалам общества. Вера в ведьм служит предохранительным клапаном для агрессивного инстинкта, который запрещено выражать средствами, не одобряемыми обществом. Это и мифологизация социально маргинализированных групп. Ведовство — это

²⁵ Henningsen G. Op. cit. P. 296.

²⁶ Rojas R. Op. cit. P. 726.

²⁷ Henningsen G. E. Op. cit. P. 297.

²⁸ Duni M. *Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries* // *Studies in Church History*. Vol. 52. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 203–231. P. 228.

²⁹ Usunáriz Garayoa J. M. *La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII)* // *Revista internacional de los estudios vascos*. 2012. № Extra 9. P. 344–345.

³⁰ Martínez Peñas L. Op. cit. P. 76.

социальное кривое отражение юридических, экономических, религиозных, эстетических идей и институтов, реакция на два основных социальных процесса в Европе в раннее Новое время: Реформации и централизации власти при создании национального государства современного типа. Религиозная напряженность скрывается прямо под поверхностью многих судебных процессов. Демонологический дискурс в Англии, скажем, был связан с распространением реформаторских ценностей среди населения и с антикатолицизмом³¹. С другой стороны, волну процессов спровоцировал процесс становления централизованной власти и распределения компетенций. «Генезис нововременных государств Европы заключался в поступательном движении к более высокой степени универсализации (делокализации), монополизации, концентрации власти»³². Институты централизованного государства смягчали и сдерживали судебное преследование за колдовство в Европе раннего Нового времени задолго до того, как были окончательно пересмотрены правовые основания для таких судебных процессов³³. В том числе значимым стал вопрос разделения юрисдикции между королевским и церковным судами. «Со временем политика всё больше принимала на себя функции легитимации самого сакрального порядка, используя для этого всю мощь государства, не отказываясь от свойственного религиозным системам символического оформления (миф, обряд)»³⁴. Подавление колдовства было нередко связано с конфликтами в рамках межобщинных споров и напряженностью между множеством местных властей и центральной властью, а не с демонизмом, и не было историческим капризом. Число казненных было меньше в странах, где политическая или церковная власть была более централизованной, как, например, во Франции или Испании. Судебные преследования ведьм имели противоречивое значение, поскольку иногда они служили средством достижения политического консенсуса, объединяя общины против общего врага, но в равной степени могли привести к острой поляризации³⁵.

Тему колдовства и отношения к нему общества следует изучать комплексно, потому что она всегда связана с политикой, религией, экономикой, медициной и т.д. Изучение колдовства в контексте метафизики права Нового времени, возможно, заставит нас задуматься о том, что будущие историки могут счесть загадочным и иррациональным в отношении нашей современности, о наших правовых убеждениях, которые последующие поколения признают ложными, неубедительными, возможно, странными³⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
2. *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 12. — С. 23–30.
3. *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 6. — С. 11–20.

³¹ См.: *Mendez A.* Op. cit.

³² *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12. С. 24.

³³ *Johnson B.* Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought // *Culture & History Digital Journal*. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 1.

³⁴ *Исаев И. А., Румянцева В. Г.* Институт и символ в политической теологии // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 6. С. 13.

³⁵ *Pearson J.* Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England // *The Seventeenth Century*. 2016. № 31 (3). P. 376.

³⁶ *Machielsen J.* Op. cit. P. 294.

4. *Amelang J.* Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches // Making, Using and Resisting the Law in European History. — Pisa : Edizioni Plus, 2008. — P. 77–92.
5. *Duni M.* Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Studies in Church History. — Vol. 52. — Cambridge : Cambridge University Press 2016. — P. 203–231.
6. *García-Pelayo M.* La idea medieval del derecho. — Caracas : Fundación Manuel García-Pelayo, 2004. — 74 p.
7. *Henningsen G.* El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. — Madrid : Alianza Editorial, S. A., 2010. — 536 p.
8. *Johnson B.* Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought // Culture & History Digital Journal. — 2018. — Vol. 7. — № 2. — P. 1–9.
9. *Kristóf I., Csonka-Takács E.* How to make a (legal) pact with the devil? Legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary // Witchcraft Mythologies and Persecutions / G. Klaniczay, É. Pócs (Eds.). — Central European University Press, 2008. — P. 164–183.
10. *Machielsen J.* «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700 // Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion / R. Sandberg [et al.], eds. — Cardiff : Edward Elgar Publishing, 2019. — P. 277–335.
11. *Maddox T. M.* The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. — 2024. — Vol. 35:4. — P. 666–709.
12. *Martínez Peñas L.* Witchcraft and the legal evolution of religious persecution // Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz. — Madrid : Dykinson 2023. — P. 75–92.
13. *Mendez A.* To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630) // Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural. — 2017. — Vol. 6. — № 2. — P. 278–309.
14. *Pearson J.* Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England // The Seventeenth Century. — 2016. — № 31 (3). — P. 375–379.
15. *Rallo Lombarte A.* Memoria democrática y Constitución // Teoría y Realidad Constitucional. — 2023. — № 51. — P. 109–146.
16. *Rojas R.* The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre // Sixteenth Century Journal. — 2020. — Vol. 51. — № 3. — P. 719–740.
17. *Torquemada Sánchez M. J.* The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities // Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González. — 2014. — Vol. 2. — P. 1587–1598.
18. *Usunáriz Garayoa J. M.* La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII) // Revista internacional de los estudios vascos. — 2012. — № Extra 9. — P. 306–350.

REFERENCES

1. Isaev IA. Simulyakry: virtual reality of the law. *Courier of Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*. 2021;5:30-40. (In Russ.).
2. Isaev IA. At the entrance to the New Time: political unity or political integrity. *Courier of Kutafin Moscow state Law University (MSAL)*. 2024;12:23-30. (In Russ.).
3. Isaev IA, Rumyantseva VG. Institute and a symbol in political theology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(6):11-20.
4. Amelang J. Between Doubt and Discretion: Revising the Rules for Prosecuting Spanish Witches. In: Making, Using and Resisting the Law in European History. Pisa: Edizioni Plus Publ.; 2008.
5. Duni M. Doubting Witchcraft: Theologians, Jurists, Inquisitors during the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Studies in Church History. Vol. 52. Cambridge: Cambridge University Press; 2016.
6. García-Pelayo M. La idea medieval del derecho. Caracas: Fundación Manuel García-Pelayo; 2004.

7. Henningsen G. El abogado de las brujas. Brujería vasca e inquisición española. Madrid: Alianza Editorial; S. A.; 2010.
8. Johnson B. Legislating the Witch: A Genealogy of Juridical Thought. *Culture & History Digital Journal*. 2018;7(2):1-9.
9. Kristóf I, and Csonka-Takács E. How to make a (legal) pact with the devil?: Legal customs and literacy in witch confessions in early modern Hungary. In: G. Klaniczay and É. Pócs (Eds.), *Witchcraft Mythologies and Persecutions*. Central European University Press; 2008.
10. Maddox TM. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts. *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2024;35:4:666-709.
11. Machielsen J. «Moved and Seduced by the Instigation of the Devil»: Witchcraft and the Law, 1450–1700. In: Russell Sandberg et al. (eds). *Research Handbook on Interdisciplinary Approaches to Law and Religion*. Cardiff: Edward Elgar Publishing; 2019.
12. Martínez Peñas L. Witchcraft and the legal evolution of religious persecution. *Sociedades seguras y pacíficas: mecanismos jurídicos para la construcción de la paz*. Madrid: Dykinson; 2023.
13. Mendez A. To Accommodate the Earthly Kingdom to Divine Will: Official and Nonconformist Definitions of Witchcraft in England (1542–1630). *Preternature: Critical and Historical Studies on the Preternatural*. 2017;6(2):278-309.
14. Pearson J. Witchcraft, Witch-Hunting, and politics in early modern England. *The Seventeenth Century*. 2016;31(3):375-379.
15. Rallo Lombarte A. Memoria democrática y Constitución. *Teoría y Realidad Constitucional*. 2023;51:109-146.
16. Rojas R. The Witches' Accomplice: Toads in Early Modern Navarre. *Sixteenth Century Journal*. 2020;51(3):719-740.
17. Torquemada Sánchez M. J. The crimes of sorcery and witchcraft in modern Europe several remarks about the origins of their legal punishment and other particularities. *Historia iuris: estudios dedicados al profesor Santos M. Coronas González*. 2014;2:1587-1598.
18. Usunáriz Garayoa JM. La caza de brujas en la Navarra moderna (siglos XVI–XVII). *Revista internacional de los estudios vascos*. 2012;Extra 9:306-350.